ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

11

НОЯБРЬ 1960 NOVEMBER

Second-class postage paid at Jordanville, New York.
U. S. A.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово послѣ молебна Св. Апостолу Андрею Первозванному приснопамятнаго Архіеп. Симона. 3
Къ Братствамъ православнымъ. 4
Голгоѳа великой Россіи. Стихотвореніе. 8
Къ вопросу о русскомъ церковномъ пѣніи. 9
Плачущая Богоматерь. Стихотвореніе Галины Дейницыной. 14

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе св. благовѣрнаго вел. кн. Александра Невскаго. М. В. 15
Свѣтлая радость русскаго дѣтства. Первый снѣгъ. М. В. 22

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова:
Крестъ свой и крестъ Христовъ. 28
Житейское море. 31

Имѣется на складѣ:

Законъ Божій

для семьи и школы

со многими иллюстраціями (около 300).

Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**

Въ книгѣ 576 страницъ.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Приложеніе къ учебнику ЗАКОНА БОЖІЯ того же автора

Краткій сборникъ статей апологетическаго содержанія.

(въ помощь родителямъ и воспитателямъ).

Цѣна при учебникѣ 50 ¢., въ отдѣльной продажѣ $ 1.-

ИСТОРІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ,

Протоіерея Петра Смирнова.

(Перепечатанная фотографическимъ способомъ съ двадцать третьяго дореволюціоннаго изданія, 275 стр. 1957 г).

Книга въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 3. 50 долл.

Слово послѣ молебна Св. Апостолу Андрею Первозванному

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

30 ноября/13 декабря 1930 г.

«Мы нашли Мессію». Такъ сказалъ Св. Андрей брату своему послѣ того, какъ, по указанію святого Іоанна Крестителя, послѣдовалъ за Господомъ Іисусомъ Христомъ, и бесѣдовалъ съ Нимъ (Іон. I, 41). Рѣшительно, увѣренно, безъ сомнѣній возвѣщаетъ св. Андрей брату своему истину, которая открылась ему.

По преданію церковному Апостолъ Андрей былъ на Кіевскихъ горахъ, и, такимъ образомъ, первые лучи Евангельскаго свѣта озарили наше Отечество черезъ сего Апостола. И замѣчательно, что нашъ русскій Апостолъ — Святый князь Владиміръ — какъ бы подражаетъ Апостолу Андрею: какъ Апостолъ Андрей, увѣровавъ въ Господа Іисуса Христа, спѣшитъ привлечь къ вѣрѣ брата своего, такъ Святый Владиміръ, самъ принявъ Святое Крещеніе, крестилъ весь русскій народъ.

Для всякой семьи, для всякаго общества, для всякой страны цѣнно хранить добрыя основы жизни, освященныя стариной. Вотъ для нашего Отечества очень цѣнно свято хранить, какъ нѣкую непоколебимую основу, тотъ духъ увѣренности въ воспринятой истинѣ и рѣшительность, настойчивость въ утвержденіи ея, какой показанъ намъ въ Апостолѣ Андреѣ и продолжателѣ его дѣла — просвѣщеніи Руси — Святомъ князѣ Владимірѣ.

Цѣнные принципы, которые нужно хранить и проводить въ жизни, обыкновенно выражаются въ какихъ либо сѵмволахъ, чтобы однимъ взглядомъ — безъ словъ — напоминалась та истина, какую нужно укрѣплять въ сознаніи. Съ именемъ Апостола Андрея церковное преданіе связываетъ крестъ особой формы, на каковомъ, по преданію, пострадалъ Апостолъ Андрей. Вотъ этотъ Андреевскій крестъ и долженъ быть для насъ сѵмволомъ Андреевской ревности по истинѣ — той основы, на которой строилась Святая Русь.

Двѣсти лѣтъ Андреевскій крестъ красовался на флагѣ россійскаго флота. Однако, день памяти Святаго Апостола Андрея Первозваннаго не считался общимъ праздникомъ россійскаго флота, и Андреевскій крестъ для той жизни, которая подъ осѣненіемъ его протекала, оставался какъ бы неразгаданнымъ іероглифомъ, какъ бы запечатанной книгой.

Но вотъ настало время этотъ іероглифъ разгадать, эту книгу открыть, ее читать и ею руководствоваться. Аминь.

КЪ БРАТСТВАМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ.

Христосъ посреди насъ!

Въ суровые дни господства маловѣрія и безвѣрія среди насъ всѣхъ, православныхъ — прозвучалъ призывной голосъ духовнаго пастыря владыки Саввы. Онъ призываетъ насъ къ борьбѣ съ нашими духовными немощами, съ грѣхами. Онъ будитъ насъ отъ спячки грѣховной, обнажаетъ плоды нашего духовнаго оскудѣнія, наши грѣховныя раны, зоветъ врачевать ихъ покаяніемъ.

Во второмъ воззваніи мы уже видимъ плоды его призыва, видимъ сплоченное выступленіе церковной іерархіи, ея готовность собиранія дутовнаго. Дѣло доброе, богоугодное, святое, полезное для нашихъ душъ, запутавшихся въ житейской суетѣ и всякихъ человѣческихъ мудрованіяхъ.

Но всѣ-ли мы, православные эмигранты, принимаемъ именно такъ эти призывы и готовы ли мы приступить къ выполненію ихъ, принимаемъ ли мы ихъ? Будемъ ждать, пусть наши духовные отцы разрѣшатъ намъ всѣ эти наши недоумѣнія, разъяснятъ, помогутъ и научатъ ихъ выполнять. Да поможетъ имъ Господь въ этомъ, а намъ грѣшнымъ, — услышать сердцемъ нашимъ, нашимъ духовнымъ слухомъ ихъ слово, дабы провести все это въ жизнь. Всѣ-то, почти, мы оскудѣли въ вѣрѣ, и во многихъ сердцахъ она угасла. Нѣтъ въ насъ и любви, безъ которой не можетъ быть вѣры истинной, о которой сказалъ Христосъ Господь: "Кто любитъ отца или мать болѣе Меня, тотъ недостоинъ Меня". Пусть каждый изъ насъ провѣритъ себя, свое сердце. Мы сами тогда увидимъ, какъ велико оскудѣніе нашей вѣры, а еще больше — оскудѣніе нашей любви, и къ Богу, и къ людямъ. Не благополучно у насъ, какъ съ духовной, такъ и съ національной точки зрѣнія.

Партійность и политическія разногласія разъединяютъ насъ, всѣхъ, Россіянъ, на мелкія группы. Каждая мѣтитъ самостоятельно, своими силами спасти Родину. Приходится удивляться, какъ это мы не помнимъ о томъ, какимъ путемъ было потеряно нами наше отечество. Вѣдь мы потеряли его черезъ наше безбожіе. Мы не любили и не хранили Царя-Батюшку. Мы не любили Домъ Пресвятой Богородицы, Русь святую, православную, украшенную храмами Божіими, обителями святыми. Этотъ грѣхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, лежитъ на насъ Россіянахъ. За это насъ Господь наказалъ, и мы потеряли родину.

Въ тѣ времена въ Россіи получили широкое распространеніе безбожіе, матеріализмъ и всякія соціальныя теоріи, всюду и вездѣ: въ высшей школѣ, въ жизни, въ литературѣ. Безбожіе было и среди рабочаго класса. Въ средѣ простого народа его почти не было. Не даромъ епископъ Игнатій Брянчаниновъ пишетъ съ горечью въ сердцѣ въ одномъ изъ своихъ трудовъ: "Публика у насъ почтеннѣйшая, а народъ православный". Намъ нужно теперь осознать этотъ свой грѣхъ, чтобы принести покаяніе въ немъ. Трудно осознать это намъ при нашей гордости, но безъ этого со-

знанія, этотъ тяжкій грѣхъ, лежащій на насъ, Россіянахъ, будетъ тяготѣть надъ нами.

Господь сказалъ: "Не хочу смерти грѣшника . . .". Онъ послалъ своего избранника отца Іоанна Кронштадтскаго. И этотъ святой угодникъ Божій всю свою пастырскую жизнь, не умолкая, обличалъ безбожіе и маловѣріе, суемудріе и заблужденіе, звалъ къ путямъ Господнимъ, къ покаянію. Въ его словѣ "Царства земныя колеблются и падаютъ отъ безвѣрія и беззаконія", произнесенномъ въ храмѣ 6 мая 1907 года читаемъ:

". . . Держись же, Россія, твердо вѣры своей и Церкви, и Царя православнаго, если хочешь быть непоколебимою людьми невѣрія и безначалія, и не хочешь лишиться царства и Царя православнаго. А если отпадешь отъ своей вѣры, какъ уже отпали отъ нея многіе интеллигенты — то не будешь уже Россіей или Русью святою, а сбродомъ всякихъ иновѣрцевъ, стремящихся истребить другъ друга. Помните слова Христа невѣрнымъ іудеямъ: отымется отъ васъ царство Божіе, и дастся языку (народу), творящему плоды его (Мѳ. XXI, 42-43). Аминь."

Мы видимъ это пророчество полностью исполнившимся. И Господь наказалъ насъ тою властью, какая теперь на нашей родинѣ, а насъ развѣялъ вѣяломъ своего гнѣва по всему свѣту. Не послушали мы, окаянные, голоса праведника Божія, и Господь поставилъ надъ нами эту власть въ наказаніе намъ. Мы хотимъ спасти Россію, вернуть то, что было. А развѣ мы измѣнились? Развѣ мы не остались тѣми-же, какими были до революціи? Все такъ же среди насъ распространено безбожіе, маловѣріе, ненависть другъ къ другу, разногласія. Этимъ мы погубили родину, а спасти этимъ же ее нельзя: Богъ поругаемъ не бываетъ. — "Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ" (Гал. V, 15), — говоритъ писаніе о раздорахъ, бывавшихъ въ прошломъ среди христіанъ.

Видя устрашающую силу коммунизма, мы, въ подавляющемъ большинствѣ, не ищемъ защиты у Господа, но бьемъ тревогу, хотимъ спрятаться за чью-то спину. Сила коммунизма намъ кажется грозною, потому что мы судимъ о ней какъ о силѣ въ самой себѣ. Но коммунизмъ держится не своей силой, а силою нашихъ грѣховъ, такъ какъ за грѣхи насъ наказалъ имъ Господь. Безъ покаянія нѣтъ намъ избавленія. Отъ коммунизма не останется ничего, когда Господь, пославшій этотъ бичъ на насъ, его уничтожитъ. Не черезъ завоевателей, не черезъ тѣ политическія силы, какія есть въ мірѣ, но черезъ наше истинное, сердечное и слезное покаяніе, которое и будетъ нашимъ духовнымъ возрожденіемъ.

Бичъ свой коммунизмъ Господь послалъ на время, подобно тому, какъ Онъ осудилъ Израиля на сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ, или подобно тому, какъ Онъ предалъ Израиля на потокъ, разграбленіе и на семидесятилѣтній плѣнъ въ руки Навуходоносора.

Наши духовные отцы призываютъ насъ спасать отъ духовной смерти наше подрастающее поколѣніе. Но какъ мы будемъ спасать его, если мы сами, въ подавляющемъ большинствѣ, въ лучшемъ случаѣ маловѣры?

Насъ самихъ нужно учить, просвѣщать и спасать. — Надо прежде умудриться, потомъ умудрять; сначала стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему, — говоритъ святой Григорій Богословъ.

Велика наша потребность въ духовномъ просвѣщеніи, хотя многіе изъ насъ этого не сознаютъ. Какъ извѣстно, православіе обладаетъ самыми богатыми въ мірѣ источниками духовнаго просвѣщенія. Какъ указано въ обращеніи Владыки Саввы, главная духовная цѣнность наша есть Апостольское Богословіе. Изъ исторіи Церкови мы знаемъ, что во времена Апостоловъ въ Церкви Христовой было господство святости и большинство вѣрующихъ были праведниками. Они получали черезъ откровеніе Господа въ сердцахъ своихъ все нужное для просвѣщенія и не нуждались ни въ какихъ книгахъ. Ихъ богословіе было изъ "устъ Господнихъ". Съ ущербомъ же святости настала надобность и въ книгахъ. Эту нужду выполняли праведники — писатели духовныхъ трудовъ "изъ устъ Господнихъ". Такимъ образомъ изъ писаній этихъ святыхъ отцовъ образовалось православное богословіе. Оно не было сведено въ единую систему, но оно оставалось и остается богословіемъ "изъ устъ Господнихъ". Оно-то и является школою монашествующихъ и остается школою для всякаго, кто хочетъ слѣдовать по стопамъ святыхъ отцевъ — наставниковъ въ дѣлѣ своего духовнаго просвѣщенія. Этотъ богатый духовный источникъ православнаго богословія долженъ быть поставленъ на службу нашимъ потребностямъ въ духовномъ просвѣщеніи. Какъ это сдѣлать — это дѣло нашихъ пастырей и духовной общественности. Здѣсь только нужно отмѣтить трудности, возникающія изъ нашей распыленности. Не всѣ мы можемъ участвовать въ духовныхъ организаціяхъ. Нужно найти и другіе способы духовнаго просвѣщенія. Но необходимо, чтобы духовное просвѣщеніе доходило до каждаго. Можетъ быть надо создать заочные курсы, или предпринять иные шаги, но они должны быть предприняты.

Средоточіемъ духовнаго просвѣщенія въ наши дни должны быть духовныя братства. Уже само названіе ихъ говоритъ о томъ, что они основаны на братствѣ не плотскомъ, а на братствѣ духовномъ, во Христѣ. И какъ бы Самъ Господь говоритъ, обращаясь къ братствамъ, о томъ фундаментѣ духовномъ, на которомъ должны они основываться: "Благословляйте гонителей вашихъ, благословляйте, а не проклинайте. Радуйтесь съ радующимися и плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокомудрствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ, не мечтайте о себѣ. Никому не воздавайте зломъ за зло, но пекитесь о добромъ передъ всѣми человѣками" (Рим. XIV, 14-17).

"Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто" (1 Кор. XIII, 21), читаемъ въ писаніи.

Святое Евангеліе основано на любви и къ любви призываетъ.

"Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, бла-

готворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ; да будете сынами Отца вашего на небесахъ" (Мѳ. V, 44-45), — говоритъ Господь.

Это есть та любовь, которая не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ. Любовь это то главное, по чему узнается православный христіанинъ — ученикъ Христовъ, какъ и сказано: "По тому всѣ узнаютъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою" (Іоан. XIII, 35).

Если въ братства будетъ внесена "политика", оно перестанетъ отвѣчать своему назначенію. Политика всегда построена на взаимномъ осужденіи. Дай Богъ нашимъ духовнымъ отцамъ поддержать огоньки братства среди тьмы.

На нашей многострадальной Родинѣ безбожный коммунизмъ ведетъ ожесточенную войну противъ Церкви Христовой и вѣры православной. Онъ гонитъ вѣру, искореняетъ всѣми способами. Ведется эта борьба не какъ нибудь, но черезъ безбожную науку, преподаваемую во всѣхъ школахъ, такъ что всякое знаніе и ученіе дается въ безбожіи. И несмотря на все это, вѣра не только не уничтожена, но она умножается и крѣпнетъ. На это указываетъ и то, что борьба съ вѣрою въ государственномъ масштабѣ продолжается. Если бы вѣра была искоренена, то и не было бы борьбы съ пустымъ мѣстомъ. И самая эта ожесточенная борьба съ вѣрою показываетъ, что вѣра не только есть, но что безбожной власти приходится напрягать всѣ свои силы, дабы не быть побѣжденной самой.

Гнѣвъ Божій началъ проявляться надъ всѣмъ человѣчествомъ. Грозныя явленія природы есть призывъ Божій къ покаянію. Объ этомъ сказалъ Господь, явившись ночью царю Соломону такъ: "Если Я заключу небо и не будетъ дождя, и если повелю саранчѣ поѣдать землю, или пошлю моровую язву на народъ Мой; и если смирится народъ Мой, который именуется именемъ Моимъ, и будутъ молиться, и взыщутъ лица Моего, и обратятся отъ худыхъ путей своихъ, то Я услышу съ неба, и прощу грѣхи ихъ и исцѣлю землю ихъ" (Парал. VII, 13-14). Какъ бы говоритъ Господь: "покайтесь, чтобы вамъ не погибнуть всѣмъ". Не менѣе грозныя явленія природы происходили и происходятъ въ Совѣтскомъ Союзѣ. Безбожная власть знаетъ, что это гнѣвъ Божій, и тщательно о нихъ умалчиваетъ. Только иногда по отрывочнымъ фразамъ оффиціальной печати можно узнать объ этихъ явленіяхъ. Такъ весною этого года въ степной полосѣ юга Россіи пронесся ураганъ столь грозной силы, что онъ поднималъ верхніе слои почвы вмѣстѣ съ тѣмъ, что на нихъ было, засыпалъ колодцы, дома и на огромныхъ пространствахъ вырвалъ съ корнемъ посѣвы: пришлось перепахивать и вновь засѣвать. Тамъ Господь вразумляетъ гонителей вѣры, здѣсь на западѣ Господь гнѣвается на наше духовное оскудѣніе, на безбожіе не отъ гоненій, а отъ насъ самихъ. У насъ есть только одинъ путь ъ избавленію отъ грядущаго гнѣва Господня: покаяніе, искреннее, слезное покаяніе отъ всей души въ нашихъ грѣхахъ. Покаяніе, это — основа христіанской жизни. А кто не умѣетъ каяться, пусть не смущается: духовные отцы насъ научатъ.

Но есть еще болѣе грозное явленіе для насъ православныхъ, почитающихъ святыя иконы. Это слезы Богоматери. Онѣ какъ бы вѣщаютъ намъ, что заступничеству Ея есть предѣлъ. И передъ лицомъ грядущихъ бѣдъ Она льетъ слезы Свои.

Многіе изъ называющихъ себя православными христіанами не съ вѣрою принимаютъ чудо, являемое Пресвятой Богородицею, а съ любопытствомъ. Маловѣріе и безвѣріе здѣсь доходитъ до того, что допускаются люди къ химическому анализу слезъ Богоматери. И не потому ли одна изъ этихъ иконъ пожелала уйти изъ храма въ тотъ домъ, гдѣ Она явила это чудо? Но если эти слезы Пресвятой Богородицы не образумятъ насъ, и мы будемъ идти въ жизни нашей тѣми же грѣховными путями, то горе намъ! И мы останемся передъ закрытыми дверями, когда придетъ Женихъ Небесный.

Не теперь ли наступаетъ то время, о которомъ сказано: "Но Сынъ Человѣческій, пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ?" (Лук. XVIII, 8). Горе будетъ невѣрующимъ, какъ и "вѣрующимъ по своему", горе... А живущіе по заповѣдямъ Господнимъ въ радости духовной воскликнутъ въ срѣтеніе грядущему Христу вмѣстѣ съ Іоанномъ Богословомъ: "Ей, гряди Господи!"

Ваша сестра.

Голгоѳа великой Россіи*).

Гдѣ, стѣсняя просторъ,
Груды каменныхъ горъ,
Среди горной Уральской стихіи
На вершинѣ горы,
Гдѣ летаютъ орлы,
Есть Голгоѳа Великой Россіи.

Въ восемнадцатый годъ,
Обезумѣвъ, народъ
Допустилъ то кошмарное дѣло:
Онъ Царя своего
И семью всю Его
Палачамъ передалъ для раз- [стрѣла.
Днемъ тамъ вѣтеръ шумитъ,
Вѣщій воронъ кричитъ,
И подъ кедры, въ прохладныя [тѣни,
На полуденный зной,
Въ безопасный покой
Отдохнуть прибѣгаютъ олени.

Но какъ ночь настаетъ,
Императоръ встаетъ,
Изъ могилы выходитъ съ семь- [ею
И идутъ по камнямъ,
По корнямъ и по пнямъ
На Голгоѳу тернистой тропою.

И съ поникшей главой
Цесаревичъ больной
Самъ не можетъ взойти на вер- [шину;
Императоръ въ пути

*) Настоящее стихотвореніе прислано намъ съ собщеніемъ, что оно вывезено одной старушкой, нынѣ проживающей во Франціи, изъ совѣтской Россіи въ 1943 г. Авторъ его остался неизвѣстнымъ.

Помогаетъ взойти
На Голгоѳу любимому сыну.

Тамъ, поднявъ къ небу взоръ,
На колѣняхъ, средь горъ
За Россію молитву возноситъ
И за русскихъ за всѣхъ
И за тяжкій нашъ грѣхъ
Передъ Богомъ прощенія про-
[ситъ.
И надъ ихъ головой
Звѣздъ вѣнецъ золотой,
Какъ лампада, на небѣ сіяетъ,
И изъ яркихъ лучей
Семь зажженныхъ свѣчей
На Голгоѳу съ небесъ посыла-
[ютъ.
У Царицы изъ глазъ,
Какъ Уральскій алмазъ,
Льются крупныя горькія сле-
И, гдѣ слезы текли, [зы;
Тамъ изъ жесткой земли
Вырастаютъ прекрасныя розы.

У Царевенъ глаза,
Какъ небесъ бирюза,
Заливаются горькой слезою —
Какъ цвѣтокъ голубой
Незабудки лѣсной
Смятъ безжалостно бурной гро-
[зою.
И всю ночь тамъ они
На молитвѣ одни
Напрягаютъ послѣднія силы;
Но какъ солнца восходъ
Озаритъ небосводъ,
Всѣ обратно уходятъ въ моги-
[лы.
И опять у скалы,
Лишь летаютъ орлы,
И шумятъ старыхъ кедровъ
И о звонкій гранитъ [вершины,
Горный вѣтеръ гудитъ
И сметаетъ песокъ изъ долины.

И сочится она
Алой крови полна
Эта страшная русская рана;
Льется крови потокъ
На Россійскій песокъ
По капризу лихого тирана.

Но давно ужъ молва
По Россіи пошла,
Что окончатся наши мученья,
Когда вмѣстѣ съ Царемъ
На Голгоѳу пойдемъ
И испросимъ у Бога прощенья.

И очиститъ Господь
Нашу душу и плоть
И изгонитъ всѣ бѣды лихія,
И надъ нами, какъ встарь,
Будетъ Вѣра и Царь,
И воскреснетъ былая Россія.

Къ вопросу о русскомъ церковномъ пѣніи.

Занимаясь этимъ лѣтомъ въ Вашингтонѣ въ библіотекѣ Конгресса, я, при просмотрѣ «Краснаго Архива», въ сотомъ томѣ его, набрелъ на письмо П. И. Чайковскаго отъ 29 сентября 1882 г. къ ректору Кіевской Академіи. Полагаю, что оно имѣетъ значеніе для тѣхъ, кому дорого истовое русское церковное пѣніе.

Ваше Преосвященство.

Прошу Васъ, Ваше Преосвященство, великодушно простить дерзновеніе , съ которымъ рѣшаюсь обратиться къ Вамъ письменно, но настоятельная душевная потребность излить на бумагу прискорбныя чувствованія, уже не въ первый разъ причиняемыя мнѣ обстоятельствомъ, близко Васъ касающимся, принуждаютъ меня именно Вамъ высказать то, что въ первую минуту мнѣ хотѣлось изложить въ формѣ газетной статьи. Послѣднее намѣреніе, по зрѣломъ размышленіи, я однако оставилъ, во-первыхъ потому, что врядъ ли въ массѣ читающей публики я встрѣтилъ бы сочувствіе, да если бы и встрѣтилъ, никакой бы отъ этаго пользы не произошло, а во-вторыхъ потому, что мнѣ всего менѣе хотѣлось бы хоть малѣйшимъ образомъ огорчить Васъ, или кого бы то ни было публичнымъ порицаніемъ того грустнаго, періодически повторяющагося, факта, о которомъ сейчасъ и поведу рѣчь.

Я не живу въ Кіевѣ, но раза два или три въ годъ бываю тамъ проѣздомъ, каждый разъ, при этомъ, я стараюсь попасть въ Кіевъ въ воскресенье утромъ, дабы быть въ Братскомъ монастырѣ у поздней обѣдни и присутствовать при умилительно прекрасномъ служеніи Вами литургіи. Каждый разъ, какъ мнѣ это удается, я въ началѣ обѣдни глубоко бываю потрясенъ неизреченнымъ благолѣпіемъ архіерейскаго служенія вообще, и Вашего въ особенности. Но каждый разъ чувства святого восторга понемногу охлаждаются, и, наконецъ, я выхожу изъ церкви, не дождавшись раскрытія царскихъ вратъ послѣ причастнаго стиха, разочарованный, смущенный, негодующій.

Причиною тому не что иное, какъ пѣніе хора Братскаго монастыря. Васъ, вѣроятно, удивитъ, Ваше Преосвященство, что пѣніе это, славящееся въ Кіевѣ, какъ необыкновенно прекрасное, меня раздражаетъ, огорчаетъ, даже ужасаетъ. Но дѣло въ томъ, что въ качествѣ русскаго музыканта, пытавшагося потрудиться для русскаго церковнаго пѣнія и довольно много объ этомъ предметѣ размышлявшаго, я, къ несчастью, въ требованіяхъ своихъ отъ богослуженія, стою, смѣю сказать, выше уровня общественнаго пониманія и, во всякомъ случаѣ, діаметрально расхожусь со вкусами не только православной публики, но и большинства духовенства. Не входя въ историческія подробности, вкратцѣ скажу лишь, что, вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ, у насъ съ конца прошлаго вѣка установился приторно-слащавый стиль итальянской школы музыки XVIII вѣка, неудовлетворяющій, по моему мнѣнію, вообще условіямъ церковности стиля, но въ особенности не сродный духу и строю нашего православнаго богослуженія. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что до насъ дошли коренные напѣвы древне-русской церкви, носящіе въ себѣ всѣ элементы не только общей музыкальной красоты, но и совершенно самобытнаго церковно-музыкальнаго искусства.

Дабы во всей полнотѣ объяснить Вашему Преосвященству мой взглядъ на крайне жалкое состояніе нашей церковной музыки, пришлось бы войти въ бездну техническихъ подробностей, которыя бы только утомили Васъ. Итакъ скажу лишь, что и какъ **музыкантъ и какъ православный христіанинъ**, я никогда не могу быть вполнѣ

удовлетворенъ хоровымъ пѣніемъ въ церквахъ нашихъ, какъ бы хорошо ни были подобраны голоса, какъ бы ни искусенъ былъ регентъ, управляющій хоромъ. Но что дѣлать! Исторіи не передѣлаешь, и я поневолѣ мирюсь съ установившимся стилемъ церковной музыки, даже до того, что не погнушался взять на себя редакцію новаго изданія сочиненій Бортнянскаго, этого все-таки даровитаго виновника столь ложнаго, на чуждой почвѣ построеннаго, направленія, по коему пошло близко принимаемое мною къ сердцу дѣло. Повторяю, я мирюсь — но лишь до извѣстныхъ границъ. Есть явленія столь странныя, столь ненормальныя, что нельзя не возмущаться.

Скрѣпя сердце выслушалъ я въ минувшее воскресенье (26 сентября) то странное мазурко-образное, до тошноты манерное, тройное «Господи помилуй», которое хоръ Братскаго монастыря пѣлъ во время сугубой ектеніи; съ нѣсколько большимъ нетерпѣніемъ отнесся я къ «Милость мира» и дальнѣйшему послѣдованію богослужебнаго пѣнія вплоть до «Тебе поемъ» (музыка неизвѣстнаго мнѣ автора); когда спѣли «Достойно есть» я былъ нѣсколько утѣшенъ, т. к. пѣснесложеніе его носитъ по себѣ признаки древняго напѣва, и, во всякомъ случаѣ, и сочинено и спѣто безъ вычуръ, просто, какъ подобаетъ храмовому пѣнію.

Но когда закрылись царскія врата, и пѣвчіе поспѣшно, на одинъ аккордъ, пропѣли «Хвалите Господа съ небесъ», какъ бы слагая съ себя тяжкую обузу хвалить Господа, ввиду своего долга угостить публику концертной музыкой, и стали, собравшись съ силами, исполнять бездарно-пошло сочиненный, преисполненный неприличныхъ для храма вокальныхъ фокусовъ, построенный на чужой ладъ, длинный, безсмысленный, безобразный концертъ, я чувствовалъ приливъ негодованія, которое, чѣмъ дальше пѣли, тѣмъ больше росло. То гаркнетъ дикимъ ревущимъ рыканіемъ басъ-соло, то завизжитъ одинокій дискантъ, то прозвучитъ обрывокъ фразы изъ какого-то итальянскаго трепака, то неестественно сладко раздастся оперный любовный мотивъ въ самой грубой, голой, плоской гармонизаціи, то весь хоръ замретъ на преувеличенно тонкомъ піаниссимо, то зареветъ, завизжитъ во всю глотку...

О, Господи, и когда же въ какую минуту происходитъ эта музыкальная оргія Какъ разъ въ то время, когда совершается главный актъ всего священнодѣйствія, когда Ваше Преосвященство и сослужители Ваши пріобщаетесь Тѣла и Крови Христовой... Еще если бы они, по крайней мѣрѣ, ограничились исполненіемъ концертовъ Бортнянскаго. Эти послѣдніе тоже нерусскіе, въ нихъ тоже вошли совершенно свѣтскіе, даже сценическіе оперные пріемы, но въ нихъ все же соблюдено приличіе, да, наконецъ, они написаны во всякомъ случаѣ даровитымъ и одушевленнымъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ музыкантомъ, а нѣкоторые изъ нихъ (напр. «Скажи ми, Господи, кончину мою») положительно прекрасны. Но то, что мнѣ пришлось слышать въ послѣднее воскресенье, столь же кощунственно-неприлично, сколь ничтожно и жалко въ музыкальномъ отношеніи.

Зачѣмъ я все это пишу Вашему Преосвященству? Затѣмъ, что хочется высказаться и притомъ именно Вамъ, архипастырю, къ кому,

даже не имѣя счастья быть Вамъ лично извѣстнымъ, питаю сердечно-теплое чувство любви и уваженія, затѣмъ, что смутная надежда хоть сколько-нибудь содѣйствовать искорененію проникшаго въ наше богослужебное пѣніе зла ободряетъ меня, и я дерзаю ласкать себя мыслію, что, быть можетъ, обращу Ваше пастырское вниманіе на безотрадность явленія, смыслъ котораго вслѣдствіе привычки до сихъ поръ ускользалъ отъ Васъ. Во всякомъ случаѣ отъ всей души прошу простить мнѣ дерзновеніе мое. Ничто, кромѣ приверженности къ родной церкви и родному искусству, не руководило перомъ моимъ...

Въ заключеніе, чтобы еще яснѣе показать Вашему Преосвященству до какой степени неприличенъ обычай угощать публику концертами, прибавлю слѣдующее.

Когда я выходилъ изъ храма Божія, гонимый оттуда оскорбившими слухъ и духъ мой музыкальными штуками, ловко исполненными хоромъ Братскаго монастыря, вмѣстѣ со мной суетливо выходила изъ церкви и цѣлая толпа людей, судя по внѣшности, образованныхъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ. Но уходили они по совсѣмъ другимъ соображеніямъ. Изъ словъ ихъ я понялъ, что это были господа, пришедшіе въ церковь не для молитвы, а для потѣхи. Они были довольны концертомъ и очень хвалили пѣвчихъ и регента. Видно было, что только ради концерта они и пришли, и какъ только кончился онъ, — ихъ потянуло изъ церкви. Они именно **публика** — не молиться они приходили, а для того, чтобы весело провести полчаса времени... Неужели православная церковь должна служить, между прочимъ, и цѣлямъ пустого времяпрепровожденія для пустыхъ людей?

П. Чайковскій.

Нѣсколько позднѣе мнѣ довелось бесѣдовать по поводу этого письма съ бывшимъ воспитанникомъ Московскаго Сvнодальнаго Училища, извѣстнымъ талантливымъ регентомъ, Петромъ Алексадровичемъ Александровымъ. Онъ любезно повѣдалъ мнѣ нѣкоторыя подробности, которыя приводятся ниже въ его изложеніи.

Н. Тальбергъ.

ИСТОРІЯ РЕДАКТИРОВАНІЯ П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ ДУХОВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ Д. И. БОРТНЯНСКАГО.

Въ 1878 году П. И. Чайковскій написалъ «Литургію Св. Іоанна Златоуста» для четырехъ-голоснаго смѣшаннаго хора. П. И. Юргенсонъ, крупный музыкальный издатель, напечаталъ ее, но по требованію начальника Императорской Пѣвческой капеллы, Н. Бахметева, Литургія была конфискована. П. И. Юргенсонъ возбудилъ процессъ противъ Н. Бахметева и выигралъ его въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, а затѣмъ въ Сенатѣ. За конфискованные 173 экземпляра лично съ Н. Бахметева было взыскано 143 рубля въ пользу Юргенсона.

Шестьдесятъ пять лѣтъ Придворная капелла одна имѣла право печатать духовную музыку, вела это дѣло плохо, не издавая ничего

новаго, но и не возобновляя старое. Послѣ конфликта съ П. И. Юргенсономъ Капелла рѣшила улучшить дѣло печатанія духовныхъ произведеній и заказала новое изданіе 35-ти концертовъ Бортнянскаго Д. И. по цѣнѣ 10 руб. за экземпляръ. П. И. Юргенсонъ — талантливый и смѣтливый дѣлецъ — въ пику Н. Бахметеву рѣшилъ издать **всего** Бортнянскаго и по цѣнѣ въ два раза дешевле и при томъ заново отредактированное самимъ П. И. Чайковскимъ. Слѣдуетъ сказать, что Петръ Ильичъ часто бывалъ въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, жилъ только творческимъ трудомъ, отказавшись отъ педагогическихъ работъ, и поэтому вынужденъ былъ принять предложеніе Юргенсона редактировать полное собраніе сочиненій Бортнянскаго. Эта работа, кропотливая, скучная и въ то же время отвѣтственная, отняла много времени у Чайковскаго, который, между прочимъ, совѣтовалъ Юргенсону издать лучше сборникъ избранныхъ сочиненій Бортнянскаго. «Это будетъ умнѣе», говорилъ онъ, «не забудь, что добрые 7/10 полнаго собранія составляютъ концерты, т. е., самый плоскій наборъ общихъ мѣстъ, никогда и нигдѣ въ церквахъ не исполняемыхъ и лишь разъ въ годъ попадающихъ въ программу духовнаго концерта. Тѣ изъ сочиненій Бортнянскаго, въ которыхъ дѣйствительно есть потребность и которые вездѣ поются, составляютъ небольшое число пьесъ, наперечетъ мнѣ извѣстныхъ. Положимъ, что ты издашь ихъ, а также, положимъ, два-три самыхъ лучшихъ концерта, и тогда получится вещь дѣйствительно нужная, и я ручаюсь тебѣ за то, что моя редакція выжметъ изъ Бортнянскаго все годное и отброситъ все негодное и не имѣющее никакой будущности».

Здѣсь Чайковскій не совсѣмъ правъ. Всѣ концерты Бортнянскаго усердно исполнялись провинціальными и столичными, малыми и большими хорами по всей матушкѣ-Россіи; звучали они и въ Придворной Пѣвческой капеллѣ въ первоклассномъ исполненіи. Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ въ Кремлѣ Сѵнодальный хоръ этихъ концертовъ не пѣлъ, да и не было имъ мѣста. Послѣ запричастнаго стиха неизмѣнно произносилась проповѣдь назначенными духовнымъ начальствомъ представителями ученаго монашества (іеромонахами, архимандритами) и рѣже священнослужителями изъ бѣлаго духовенства. Въ числѣ такихъ проповѣдниковъ былъ также ученый архимандритъ, ректоръ Московской духовной семинаріи, Анастасій, Его Высокопреосвященство, теперешній Первоіерархъ Русской Зарубежной Церкви. Если же таковая проповѣдь почему-либо не имѣла мѣста, то Сѵнодальный хоръ пѣлъ Евангельскую стихиру унисономъ или что-либо изъ запричастныхъ стиховъ въ композиціи А. Д. Кастальскаго.

Ознакомившись по ходу редакціонной работы съ большой массой сочиненій Бортнянскаго, Чайковскій такъ отозвался о немъ въ письмѣ къ Юргенсону:

«Бортнянскій былъ талантъ второстепенный, неспособный пролагать новыя хотя бы тропинки. Онъ былъ музыкантъ отличный и превосходно владѣвшій техникой и потому, если ты и не оказываешь искусству большой услуги, издавая его **полное** собраніе, то и по-

стыднаго ничего не дѣлаешь... въ его твореніяхъ все гладко, чисто, мило, но однообразно, какъ степь Херсонской губерніи».

Юргенсонъ соглашался, что Бортнянскій не такой ужъ большой художникъ, но покуда Россія бѣдна духовной музыкальной литературою, говорилъ онъ, слѣдуетъ заняться изданіемъ всего Бортнянскаго.

Среди твореній Бортнянскаго П. И. Чайковскій выдѣлилъ, какъ лучшія, слѣдующія произведенія:

Херувимская пѣснь № 5 (Фа мажоръ), Херувимская пѣснь № 7 (Ре мажоръ), Великій канонъ «Помощникъ и покровитель», «Да исправится молитва моя» (тріо), «Пріидите ублажимъ Іосифа» — стихира при цѣлованіи Плащаницы и пять-шесть концертовъ (№ 24 «Возведохъ очи мои въ горы», № 25 «Не умолчимъ никогда», двухорный «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ», № 32 «Скажи ми, Господи, кончину мою», который Чайковскій назвалъ «лучшимъ изъ всѣхъ 35-ти концертовъ Бортнянскаго».

П. И. Чайковскій интересовался судьбами церковнаго пѣнія и своимъ геніальнымъ чутьемъ ясно сознавалъ необходимость проложить новыя дороги въ этой области національнаго искусства. Кромѣ Литургіи, имъ была написана Всенощная, состоящая изъ 13-ти нумеровъ; въ ней композиторъ стремился, чтобы мелодія и гармонія были родственны складу нашихъ древнихъ основныхъ напѣвовъ.

Его Божественная Литургія впервые была исполнена Московскимъ хоромъ печатниковъ подъ управленіемъ юнаго ученика Чайковскаго — В. С. Орлова, впослѣдствіи занявшаго мѣсто регента Сѵнодальнаго хора по рекомендаціи Петра Ильича, написавшаго спеціальное письмо Святѣйшему Сѵноду, называя своего ученика однимъ изъ достойныхъ и талантливыхъ кандидатовъ. И дѣйствительно подъ руководствомъ В. С. Орлова Сѵнодальный хоръ сталъ лучшимъ хоромъ въ Россіи, получивъ извѣстность также во всѣхъ музыкальныхъ кругахъ тогдашней Европы.

ПЛАЧУЩАЯ БОГОМАТЕРЬ.

Ты плачешь, Матерь Пресвятая,
Твой ликъ въ блистающихъ слезахъ.
И молча мы стоимъ, взирая,
Съ тревогой въ замершихъ сердцахъ.

О чемъ Ты плачешь, о Царица?
Какой насъ ожидаетъ страхъ?
Иль неземному взору мнится
Голгоѳа темная въ крестахъ?

И снова терніями вѣнчанъ,
Поруганъ, преданъ и распятъ,
Съ Креста, о Мать! — надъ русскимъ краемъ,
Встрѣчаетъ Сынъ Твой скорбный взглядъ...

Галина Дейницына.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе святаго благовѣрнаго вел. князя Александра Невскаго.

Память 23 ноября.

Благовѣрный св. великій князь Александръ, сынъ великго князя Ярослава Всеволодовича, родился въ 1220 году. Семнадцати лѣтъ онъ уже былъ княземъ въ Новгородѣ. Юнъ былъ князь, но Господь помогалъ ему. Въ суровое, тяжелое время пришлось княжить св. Александру. Всю землю святорусскую поработили татары. Народъ стоналъ подъ ихъ игомъ. Надо было платить большую дань. А между русскими князьями не было согласія.

Въ 1236 году татарскій ханъ Батый, опустошивъ княжества рязанское и владимірское, пошелъ къ Новгороду. Жители его трепетали. Но за усердную молитву благовѣрнаго князя Александра и святорусскихъ людей смиловался Господь. Не дойдя и ста верстъ до Новгорода, Батый повернулъ на Козельскъ...

Въ 1239 году князь Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью полоцкаго князя, которую звали Александрою. Почти съ брачнаго пира пришлось юному князю идти на войну. Батый не разорилъ Новгорода, но были другіе непріятели: шведы, нѣмцы, литовцы. Они рѣшили покорить земли Новгородскія, чтобы ввести въ нихъ католическую вѣру.

Въ 1240 году шведскій король получилъ отъ римскаго папы грамату, въ которой онъ призывалъ шведскій народъ идти на брань, чтобы крестить дикихъ финновъ, а русскихъ обращать въ католичество. «Кто пойдетъ на войну, тому всѣ грѣхи простят-

ся»: писалъ папа. Шведскій король давно мечталъ захватить богатства славнаго Новгорода. Воеводою онъ назначилъ своего зятя Биргера. Шведы на ладьяхъ, моремъ, двинулись въ походъ, который былъ названъ «крестовымъ». Католики огнемъ и мечемъ рѣшили насадить свою вѣру.

Вотъ уже шведы подступили къ устью рѣки Невы. «Защищайся, если можешь, а я на твоей землѣ», — гордо писалъ Биргеръ князю Александру. Въ ужасъ пришли Новгородцы. Испугались новгородцы, но святой князь не терялъ спокойствія. Онъ зналъ, что Божія правда на его сторонѣ. Со своей малою дружиной помолился онъ въ храмѣ Святой Софіи, Премудрости Божіей, принялъ благословеніе у епископа. Сказалъ онъ своей дружинѣ: «Насъ немного, а врагъ силенъ, но не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ».

Съ молитвою на устахъ, со свѣтлой надеждой въ сердцѣ двинулись въ походъ. Въ то время по рѣкѣ Невѣ жили ижоряне, фин-

скаго племени. Они присоединились къ полкамъ святого князя. Въ ночь на 15-ое іюля одинъ ижорянинъ по имени Пелгусій (во святомъ крещеніи Филиппъ), удостоился дивнаго видѣнія. Онъ былъ на развѣдкѣ — высматривалъ, какъ расположены войска Биргера. При самомъ восходѣ солнца, Пелгусій вдругъ слышитъ всплески веселъ, легкій шумъ отъ плывущей по рѣкѣ Невѣ ладьи.

Зорко сталъ всматриваться онъ. Не враги ли плывутъ по рѣкѣ? Гребцы словно легкою дымкою закрыты — лицъ нельзя разобрать. Ясно расмотрѣлъ онъ только двухъ юныхъ витязей. Одинъ постарше — другой помоложе. Одѣты въ одежды пурпурныя. Лица чудно свѣтлѣютъ. Что-то неземное есть въ нихъ. Пристально вглядывается Пелгусій и невольно трепещетъ. Витязи — словно съ иконъ сшедшіе святые страстотерпцы благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ... Раздается голосъ чудный, неземной. Старшій князь говоритъ младшему: «Братъ Глѣбъ, прикажи грести: надобно помочь сроднику нашему, Александру». Видѣніе скрылось. Пелгусій поспѣшилъ повѣдать благовѣрному князю, кого онъ видѣлъ на ночной развѣдкѣ и что сказалъ св. князь Борисъ. Князь Александръ до времени запретилъ разсказывать кому-либо о чудномъ видѣніи. Но понялъ онъ, что святые мученики будутъ съ нимъ.

Въ тотъ же день, 15 іюля 1240 года, св. князь напалъ на шведовъ. Съ утра до вечера шелъ жестокій бой. Съ Божіей помощью, съ помощью небесныхъ силъ и свв. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба малое войско св. князя побѣдило многочисленнаго врага. Оправдались слова св. князя: «Не въ силѣ Богъ но въ правдѣ».

Чудеса храбрости показывали воины св. князя Александра. Гаврила Олексичъ гнался за бѣгущимъ Биргеромъ до самого корабля. Онъ былъ съ конемъ сброшенъ въ море, но выплылъ и снова понесся въ бой. Новгородецъ Миша съ отрядомъ храбрецовъ ударилъ на непріятельскіе корабли и пустилъ ко дну три изъ нихъ. Одинъ удалецъ пробрался къ шатру Биргера, подсѣкъ топоромъ столбъ и шатеръ повалился! Раздались радостные крики новгородцевъ.

Самъ св. благовѣрный князь Александръ ворвался въ непріятельскій станъ и ударилъ Биргера копьемъ въ лицо!

Шведы были разбиты. Множество ихъ воиновъ пало. Не смѣя до утра остаться на полѣ битвы, шведы наполнили двѣ ямы трупами своихъ павшихъ воиновъ и только тѣла самыхъ знатныхъ витязей взяли съ собою на корабли. Ночью, въ смятеніи, спѣшно отплыли они отъ береговъ рѣки Невы. А св. благовѣрный князь Александръ, вернувшись въ Новгородъ побѣдителемъ, въ Софійскомъ соборѣ вознесъ горячую благодарность Всемогущему Богу.

Послѣ этой побѣды св. князя Александра стали называть «Нев-

скимъ». Всѣ россіяне радовались, благодарили Бога, и св. князя прославляли на всю Русь!

Всѣ люди Божіи полюбили его за храбрость, за заботы о Родинѣ, за его смиренный, кроткій нравъ, за великое благочестіе. Но безпокойные, вольнолюбивые новгородцы за что-то поднялись противъ святого князя. Онъ въ тотъ же годъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Переяславль. А тутъ появился второй непріятель — Ливонскіе рыцари. Нѣмцы захватили городъ Псковъ и уже появились близъ Новгорода, у крестьянъ забирали лошадей и скотину, грабили и убивали проѣзжихъ купцовъ. Опомнились новгородцы. Кроткій, незлопамятный св. князь внялъ ихъ мольбамъ и вернулся въ Новотнялъ его у нѣмцевъ. Св. благовѣрный князь стоялъ на Чудскомъ озерѣ, которое было покрыто льдомъ. Нѣмцы, оставивъ свои замки, собрали большое войско. Опять св. князь надежду возложилъ на Бога. 1 апрѣля 1242 г. при восходѣ солнца, въ Субботу Похвалы Пресвятой Богородицы, началась славная битва —«Ледовое побоище».

Нѣмцы построили свои полки острою колонною или, какъ ее русскіе называли «свиньей» и вклинились въ новгородскіе полки. Князь ударилъ по полкамъ съ тыла, разорвалъ ихъ строй. Нѣмцы побѣжали. Наши воины гнали ихъ цѣлыхъ семь верстъ! Вышелъ весь Псковъ съ крестами, иконами и хоругвями встрѣчать князя. Божіи люди возносили хвалы Господу, Царицѣ Небесной.

Въ 1245 году св. князь Александръ покончилъ съ третьимъ врагомъ — литовцами. Въ нѣсколько дней нанесъ имъ семь пораженій. Послѣ чего литовцы перестали безпокоить новгородскія земли.

Въ 1246 году князь Александръ оплакалъ смерть своего отца, умершаго на пути въ орду. Скоро пришлось и самому св. князю ѣхать со своимъ братомъ Андреемъ къ главному повелителю татаръ, хану Менгу, въ самую глубь монгольскихъ степей. Тяжекъ былъ путь. Ѣхали всадники по безводнымъ пустынямъ, изнемогая отъ палящаго солнца. Ханъ Менгу порѣшилъ Андрею быть вел. княземъ Владимірскимъ, а св. Александру Кіевскимъ. Скоро кн. Андрей навлекъ на себя гнѣвъ хана. Послано было большое войско противъ новаго великаго князя. Легкомысленный князь Андрей пошелъ противъ него, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Швецію. Всю Владимірскую область разорили татары. Князь Александръ зналъ, что вся Русь Святая можетъ пострадать изъ-за легкомысленнаго брата. И для спасенія Руси св. князь второй разъ пускается въ далекій путь къ властелину Менгу. Хану понравился св. благовѣрный князь, и онъ, утвердивъ его на великокняжескомъ престолѣ, милостиво отпустилъ. Радостно встрѣчалъ народъ во Владимірѣ во главѣ съ митрополитомъ Кирилломъ любимаго князя. Тяжкій крестъ принялъ на себя Александръ занявши престолъ великокня-

жескій! Онъ не могъ встать войною противъ татаръ, т. к. Русь была слаба, разорена недругами. Приходилось склонять голову предъ властями татарскими. Народъ не понималъ, что надо смириться и принимать татарскую неволю, какъ наказаніе за грѣхи, какъ Божіе попущеніе! Менгу повелѣлъ переписать всѣхъ русскихъ, чтобы знать сколько дани онъ сможетъ съ нихъ собрать.

«Братъ Глѣбъ, прикажи грести: надобно помочь сроднику нашему, Александру».

Только духовенство татары не записывали и не брали съ него дани. Очередь переписи дошла и до вольнаго Новгорода. Увидѣли новгородцы въ своихъ стѣнахъ татаръ и — возмутились! Юный князь Василій былъ заодно со своими новгородцами. Онъ написалъ хану, что хочетъ быть съ нимъ въ мирѣ, но податей платить не будетъ. И пришлось святому великому князю Александру снова ѣхать въ Новгородъ съ знатными татарскими сановниками, чтобы сохранить Новгородъ и всю Русь православную отъ новаго неминуемаго нашествія татаръ. Безумные люди кричали: «Умремъ за Святую Софію и за души ангельскія». Перепугались татарскіе сановники и обратились къ князю Александру: «Дай намъ сторожей, а то убьютъ насъ!». Князь повелѣлъ дѣтямъ боярскимъ по ночамъ стеречь татаръ, а новгородцамъ строго сказалъ, что если

они не покорятся волѣ ханской и не дадутъ себя переписать, то онъ сейчасъ же уѣдетъ во Владиміръ, а ханъ ужъ накажетъ непокорныхъ. Новгородцы смирились и святой князь Александръ спокойно поѣхалъ во Владиміръ. По пути онъ заѣхалъ къ своему духовнику, къ Владыкѣ Кириллу, чтобы принять отъ него благословеніе. Цѣлуя крестъ, св, великій князь сказалъ архіепископу: «Отче святой! Твоею молитвою я здравъ поѣхалъ въ Новгородъ, твоею же молитвою здравъ и сюда пріѣхалъ!»

Наступило на Руси затішье. Въ лѣтописи за 1260 годъ мы читаемъ: «Бысть тишина великая христіаномъ и начало 1261 года мирно бысть». Затишье было передъ грозою. Россіяне смирялись пока сами татары собирали дань. Но ханъ передалъ сборъ податей восточнымъ купцамъ, по татарски «бесерменамъ». Русскій народъ называлъ ихъ бусурманами. Купцы вносили хану нужную сумму денегъ за какое-либо княжество и получали право сами собирать подати съ жителей этого княжества, безжалостно обирая народъ. Если же кто не могъ дать денегъ, то продавали весь скотъ, имущество, семью брали въ рабство. Народъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Въ 1262 году жители Владиміра, Суздаля, Переяславля, Ростова, Ярославля злыхъ «бусурмановъ» перебили.

Грозныя полчища поднялись изъ орды на Русь. Князь Александръ въ четвертый и послѣдній разъ поѣхалъ въ орду. Трудно было на этотъ разъ склонить на милость разгнѣваннаго хана. Татарскій властелинъ держалъ въ ордѣ князя зиму и лѣто. Святой благовѣрнй князь не только вымолилъ прощеніе своему народу, но и нѣкоторыя льготы. Съ радостною вѣстью возвращался князь на родину. Когда его привезли въ Городецъ Волжскій онъ былъ уже при смерти. Передъ кончиною князь принялъ ангельскій образъ съ именемъ Алексія. На высокомъ берегу родимой Волги 14 ноября 1263 года блаженно почилъ великій печальникъ Руси Святой. Ему было только 43 года. Погасла свѣтлая Звѣзда Руси моностраданьной, чтобы немеркнущимъ свѣтомъ возсіять въ Божіемъ небѣ — въ вѣчномъ царствѣ Всеблагаго Бога.

Во Владимірѣ не могли еще знать о кончинѣ князя. Во время Богослуженія святитель Кириллъ вдругъ возвѣщаетъ народу: «Уже зашло Солнце Земли Русской». Помолчавъ немного, святитель пояснилъ народу: «Чада мои милыя! Знайте, что зашло солнце Земли Русской... не стало благовѣрнаго великаго князя Александра!» И какъ одно сердце, какъ одна душа, рыдая, воскликнулъ народъ въ ужасѣ: «Ужъ погибаемъ».

Когда мощи святого великаго князя приближались къ Владиміру, былъ сильнѣйшій морозъ. Это не помѣшало народу во главѣ со святителемъ Кирилломъ выйти за 10 верстъ отъ города, чтобы встрѣтить погребальное шествіе. Во время отпѣванія святого за-

щитника земли Русской въ Рождественской Обители, стоялъ вопль горестнаго народа. Когда святитель Кириллъ подошелъ къ усопшему, чтобы вложить въ его руку прощальную грамату, святой простеръ руку, принялъ хартію и снова сложилъ крестообразно на груди святыя руки! Въ священномъ ужасѣ созерцалъ народъ великое Божье чудо, которое произошло 23 ноября 1263 года. Ясно поняли люди, что преставился не просто великій благовѣрный князь, а святой, теперь молитвенно стоящій за народъ русскій у престола Всевышняго.

Св. великій князь Александръ былъ похороненъ въ обительскомъ храмѣ Рождества Пресвятой Богородицы. Въ 1380 году великій князъ Димитрій вступилъ въ рѣшительную битву съ татарскимъ княземъ Мамаемъ. 8 сентября въ Праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы русскіе полки сошлись съ татарами на Куликовомъ полѣ у рѣки Дона. Была одержана славная побѣда. Благовѣйный князь сталъ называться Донскимъ. А въ ночь подъ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы въ Рождественской обители, въ храмѣ, гдѣ почивали св. мощи благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, одинъ благоговѣйный инокъ сподобился дивнаго видѣнія. Среди тишины ночной возлѣ гроба св. благовѣрнаго князя сами собою свѣчи зажглись. Къ гробу подошли два святолѣпныхъ старца и сказали св. благовѣрному князю Александру: «Возстань, Александръ, поспѣши на помощь сроднику твоему великому князю Димитрію: его одолѣваютъ иноплеменники». И всталъ изъ гроба святой, благовѣрный князь Александръ, и тотчасъ же и старцы и святой князь стали невидимы... Инокъ тогда никому не сказалъ о своемъ видѣніи. Но когда онъ узналъ, что видѣніе ему было въ ночь Куликовской битвы, то не смѣлъ уже молчать и повѣдалъ о видѣніи. Торжественно открытъ былъ гробъ св. благовѣрнаго князя Александра. Его тѣло нашли нетлѣннымъ, черезъ 117 лѣтъ послѣ блаженной кончины. Святыя мощи были положены въ раку и стали совершаться великія чудеса: слѣпые прозрѣвали, разслабленные укрѣплялись, больные исцѣлялись, бѣсноватые освобождались отъ нечистыхъ духовъ. Со всѣхъ сторонъ необъятной Руси потекли паломники, чтобы приложиться къ новоявленнымъ святымъ мощамъ. Болѣе трехъ съ половиной столѣтій святыя мощи благовѣрнаго великаго князя покоились въ обительскомъ храмѣ Рождества Пресвятой Богородицы. Протекли столѣтія. Русь православная сдѣлалась величественной Державой. На Всероссійскій престолъ вступилъ Государь Петръ Великій. Въ то время шведы опять напали на Россію. Петръ Великій, побѣдивъ врага, задумалъ основать на берегахъ Невы новую столицу. Императоръ Петръ пожелалъ, чтобы мощи святого князя покоились тамъ, гдѣ 460 лѣтъ назадъ онъ одержалъ побѣду надъ шведами. Основанъ былъ монастырь въ честь побѣдителя

шведовъ при рѣкѣ Невѣ. Одиннадцать лѣтъ строилась обитель. Наконецъ, начались приготовленія для перенесенія св. мощей великаго князя изъ Владиміра въ Александро-Невскую обитель. Былъ сооруженъ богатый ковчегъ надъ нимъ красивый балдахинъ. Со слезами, со скорбью владимирцы провожали св. мощи любимаго чудотворца, цѣлителя. Жители селъ и городовъ, черезъ которые проносили святые мощи, встрѣчали ихъ съ иконами, крестами, пѣніемъ и колокольнымъ звономъ. До Новгорода св. мощи торжественно несены были на рукахъ, а въ Новгородѣ положены были на богато убранную ладью. Государь выѣхалъ встрѣчать святыню къ устью рѣки Ижоры. Святыя мощи поставили на галеру Государя, за весла сѣли приближенные Царя. Рулемъ правилъ Императоръ. По всему берегу стояли войска. Христолюбивые воины стрѣляли изъ пушекъ и ружей. Отъ пристани Государь со свитою несли на плечахъ эту великую святыню. Во вратахъ святой обители святыя мощи встрѣтилъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій со многими епископами и священниками. Великая святыня была внесена во храмъ во имя св. великаго князя Александра Невскаго. Перенесеніе св. мощей совершилось 30 августа 1724 г. Въ этотъ день свѣтло, торжественно празднуется память святого Защитника, великаго печальника нашей Родины.

М. В.

Свѣтлая радость русскаго дѣтства*).

Первый снѣгъ.

Когда же выплачется небо? За окномъ сѣрый пронзительный туманъ. Сады стоятъ черные, печальные. Пирамидальные тополя тоскливо шелестятъ обмороженными свернувшимися листьями. На фонарномъ столбѣ сидитъ нахохлившаяся ворона. Бр-ръ.. какъ ей должно быть мокро, холодно. А Маргарита все поетъ однообразно-веселую французскую пѣсенку о молодой, бѣдной дѣвушкѣ, у которой только двѣ рубашки, но для нея, какъ и для самой королевы, улыбается солнце, цвѣтутъ цвѣты, синѣетъ небо и распѣваютъ безпечныя птички.

Уже три дня, какъ я сижу изъ-за слякоти и дождя дома, и мнѣ становится скучно. «Пойти бы къ «Кузькиной матери», поговорить бы съ нею», надумала я себѣ развлеченіе. Какъ бы такъ неза-

*) См. «Православная Жизнь» №№ 5, 7, 9 и 10.

мѣтно удрать въ мастерскую? Mademoiselle сѣла въ столовой возлѣ окна и съ большимъ интересомъ принялась читать толстую книгу: переводъ «Анны Корениной» на французскій языкъ, какъ Маргарита мнѣ объяснила. А я взяла тихонько съ дивана пуховой платокъ, изъ передней пронесла подъ мышкой галоши и прокралась на кухню.

— Вы, барышня, куда это надумали? — спросила меня Настасья.

— Настасьюшка, молчи, молчи, а то мама услышитъ и меня не пуститъ. Къ Кузькиной матери въ гости иду.

— Охъ, ужъ эта мнѣ барышня, непосѣда. Пойдетъ туда и сюда бѣгать, — ворчала кухарка. — Смотрите, скорѣе обратно, а то мамзель кликну.

— Я скоро, я скоро, Настюшка.

Черезъ мгновенья я уже прыгала по доскамъ, ведущимъ къ низкому крылечку мастерской сусальнаго золота, помѣщавшейся въ одномъ дворѣ съ нашимъ домомъ. Толкнула дверь. Запахло чѣмъ-то парнымъ, теплымъ: не-то щами, не-то гречневой кашей, густо смазанной коровьимъ масломъ. Кузькина мать мыла посуду послѣ обѣда мастеровыхъ и, увидѣвши меня, воскликнула:

— А, барышня, милости просимъ!

— Соскучилась я безъ тебя, Кузькина мать. И когда только дождь кончится. Третій день дома сижу.

— Не все жъ, не все жъ, барышня, быть веселымъ денькамъ. И ненастье быть должно, и ненастье отъ Бога положено. А ведро будетъ. Какъ пріударитъ морозъ, какъ скрѣпитъ землю, какъ нанастелетъ снѣга скрипучаго — такъ все кругомъ и просвѣтлѣетъ и людямъ веселѣе станетъ.

— Да поскорѣй бы только снѣгъ выпалъ! Мнѣ папа обѣщалъ коньки подарить и желѣзныя салазки, обитыя голубымъ плюшемъ. Салазки будутъ легкія: какъ пухъ съ горы полетятъ! Слушай, Кузькина мать, — продолжала я послѣ минуты молчанія, — когда кончишь мыть посуду, покажи мнѣ, какъ мастеровые работаютъ.

— Чиво-жъ, покажу, если вамъ кажинный разъ смотрѣть на нихъ не прискучило. Вотъ только миски сполосну.

И пошла меня водить Кузькина мать по низкимъ, жарко натопленнымъ комнатамъ, гдѣ мастеровые выбивали молотками крупинки золота между двумя кусками толстой кожи. Крупинки превращались въ легкіе, тонкіе, летающіе золотые листочки.

— И они к славѣ Божіей трудятся, барышня.

— Какъ?

— Да вотъ листочками-то золотыми, что они выстукиваютъ, люди, небось, купола церковные золотятъ, кресты, иконостасы.

Разсказала мнѣ старушка, какъ два года тому назадъ ходила она въ Троице-Сергіевскую лвру:

— Иду себѣ по тропѣ зеленой, легко, весело, ногъ подъ собою не чую. А храмы-то тамъ одинъ другого краше: вырѣзные, расписные, разноцвѣтные...

— Vera, Vera, viens ici, vite, vite.

Я вздрогнула, услышавъ голосъ Маргариты, зовущей меня съ крыльца мастерской. Вотъ и поговорила съ Кузькиной матерью! Mademoiselle вела меня по двору за руку, добродушно ворча. Дома она заставила меня играть съ нею во французское лото съ картинками...

Надвинулись свинцовыя, хмурыя сумерки. Въ окна дробно застучалъ холодный дождь. По стекламъ текли прямыя, быстрыя струйки. Маша опустила шторы, прошла по всѣмъ комнатамъ съ кочергою, мѣшала въ печкахъ еще не прогорѣвшія головешки.

Въ домѣ стало тепло,уютно. Изъ сосѣдней комнаты мѣрно доносился голосъ Лиды, учащей къ завтрашнему дню уроки. Дождь пересталъ стучать въ окна. Сердито, однообразно завылъ вѣтеръ. Я пріоткрыла штору. Вѣтеръ рвалъ облака, открывалъ жмурящіяся блѣдныя звѣзды.

— Ужъ и холодно на дворѣ! — сказалъ отецъ, пріѣхавъ изъ магазина. — Послѣ дождя, откуда ни возьмись, налетѣлъ вѣтеръ, ледяной, морозный, пронзительный, — продолжалъ онъ, — потирая руки возлѣ печки. Быть вѣрно, скоро снѣгу.

Я легла спать съ надеждой, что, можетъ быть, на дняхъ уже наступитъ бѣлая, веселая зима... Проснулась утромъ. Ахъ, какъ свѣтло! что это можетъ быть? Встала на кровати и заглянула въ широкое итальянское окно. Рама снаружи запушена снѣгомъ. На стеклѣ сверкающій бѣлый налетъ. Тоненькія вѣтки молодыхъ тополей пригнулись къ землѣ подъ тяжестью снѣжныхъ хлопьевъ. Дворъ садъ, крыши домовъ радостно, ослѣпительно бѣлѣютъ. Здравствуй, зима! Здравствуй, долгожданная! За устреннимъ завтракомъ, второпяхъ, выпила какао и попросила у Mademoiselle разрѣшеніе пойти погулять на дворъ. Маргарита только рукой махнула — гдѣ тамъ удержать! Надѣла въ первый разъ шубку на бѣличьемъ мѣху, еще пахнущую нафталиномъ, котиковую шапку съ «ушками», высокіе валенки и спрыгнула со ступенекъ крыльца на заледенѣлую дорожку, уже расчищенную дворникомъ отъ рыхлаго снѣга. Морозъ дохнулъ въ лицо, защекоталъ ноздри. Возлѣ садовой калитки кувыркались, ныряли въ снѣгу три большихъ, мохнатыхъ Бѣлкиныхъ щенка и, увидѣвъ меня, со всѣхъ ногъ бросились навстрѣчу. Черезъ минуту снѣжные слѣды собачьихъ лапъ красовались на моей синей шубкѣ. Въ сугробъ были воткнуты двѣ деревянныхъ лопаты. Я выбрала меньшую изъ нихъ и пошла въ садъ расчищать дорожки. Хрусть-хрусть-хрусть — говорилъ снѣжокъ подъ ногами. Въ воздухѣ кружились легкія крупныя звѣздочки-снѣжинки.

И вдругъ, какъ сновидѣнье, образъ ранняго, ранняго дѣтства всплылъ предо мной. Я вспомнила свою умершую няню Палагеюшку, ея неторопливую, чинную походку, сѣть мелкихъ морщинъ вокругъ добрыхъ темно-карихъ глазъ. Зимою, она любила меня водить гулять за ограду Зачатьевскаго монастыря. Вспомнила круглый садикъ возлѣ церкви. Глыбы снѣга словно сахарныя головы блестятъ, искрятся. Падаютъ, падаютъ звѣздочки-снѣжинки и садятся на мою темно зеленую муфточку, опушенную коричневымъ мѣхомъ. Гляжу я на нихъ и боюсь вздохнуть, боюсь, боюсь пошевелиться. Совсѣмъ какъ звѣзды въ небушкѣ, только маленькія и бѣленькія. Внутри звѣздочекъ ледяныя нити заплетаются въ кружки, крестики, елочки... Няня ведетъ меня въ церковь. Тамъ тепло, полумракъ. Тамъ горятъ желтыя свѣчки на золотыхъ подсвѣчникахъ. Няня кланяется совсѣмъ какъ монахини, до самой земли. касаясь лбомъ веревочнаго коврика. День будничный. Кромѣ монахинь да нѣсколькихъ старушекъ въ храмѣ нѣтъ никого. Пѣнье звонко, гулко летитъ съ клироса. Послѣ службы молоденькая, румяная монахиня цѣлуетъ меня и подаетъ мягкую просфору... А теперь няни нѣтъ. Ее «Богъ прибралъ», какъ сказала кухарка Настасья. На память отъ Палагеюшки осталась кукла съ заплетенной ея руками тоненькой косичкой, перевязанной розовымъ бантомъ. Я такъ и храню, такъ и боюсь развязать и бантъ съ одной петлей и тугую косицу... Падали, кружились серебристыя звѣздочки, устилая синее сукно шубки бѣлыми пушинками. Въ сосѣднемъ саду на высокихъ ветлахъ качались вороны, стряхивая внизъ снѣжные хлопья. Я заглянула въ дырочку забора. По замерзшей лужѣ катался на одномъ конькѣ мальчикъ въ черномъ полушубкѣ. Я тотчасъ же вспомнила, что и у насъ во дворѣ стоитъ много лужъ, запорошенныхъ снѣгомъ и что я такъ же отлично могу скользить по нимъ, какъ и этотъ мальчикъ стоитъ только ихъ размести. Надумала — сдѣлала. Вооружилась большой, тяжелой метлой, счистила со льда рыхлый снѣгъ, устроила себѣ посрединѣ двора два катка, ровныхъ, блестящихъ какъ два зеркала и заскользила. «Теперь я выросла уже совсѣмъ большая. Попрошу, чтобы папа, какъ обѣщалъ купилъ мнѣ коньки Снѣгурочку. Буду на настоящій катокъ ходить», мечтала я.

Позвала меня Настасья только къ обѣду, отряхнула съ моей шубки вѣникомъ снѣгъ, покачала головой, глядя на подолъ моего платья, превратившійся въ обледенѣлую кайму и проворчала: «Чиво это мамзель смотритъ, съ ногъ до головы-то ты въ снѣгу». Я посмотрѣла на концы своихъ косичекъ, покрывшихся инеем и подумала: И слава Богу, что Mademoiselle сегодня за мною не смотритъ. Я знаю, она дочитываетъ свою интересную книгу. За обѣдомъ я узнала, что мать съ сестрою поѣдутъ на Моховую за учебникомъ и возьмутъ меня съ собою. За окномъ снѣгъ падалъ уже

не звѣздочками, а крупными, частыми хлопьями. Черезъ часъ отъ дорожки расчищенной мною въ саду и помину не осталось.

— Мама, мы на саняхъ поѣдемъ? — спросила Лида. — А то, когда я возвращалась изъ гимназіи — колеса въ снѣгу увязали. Если запрягутъ Вѣтерка, то ему будетъ тяжело, а Стальной уже сегодня папу отвозилъ въ магазинъ.

— Еще рано для саннаго пути, — ну, да все равно: можно попробовать, — отвѣтила мать.

У меня сердце запрыгало отъ радости. На саняхъ, въ первый разъ на саняхъ поѣдемъ! Черезъ черный ходъ тихонько пробѣжала на дворъ, потомъ въ мастерскую, гдѣ пилъ чай толстый кучеръ Иванъ, и сказала ему, чтобы онъ, по приказанію матери, заложилъ сани. Въ кухню вошла Настасья и передала ему то же самое. Она разсмѣялась, увидѣвъ меня: «Вездѣ поспѣетъ!»

— Шубку хоть въ рукава надѣнь, а то летаетъ въ накидку, простудишься, — приговаривала Кузькина мать, застегивая воротникъ моей шубки.

Я долго смотрѣла, какъ Иванъ запрягалъ вороного Вѣтерка. Застоявшійся конь фыркалъ, билъ копытомъ. Въ его выпуклыхъ, блестящихъ глазахъ прыгали бѣлые отсвѣты снѣга. Конь былъ молодой, стройный, поджарый, первый годъ ходившій въ упряжи. Въ окно мнѣ постучала Маргарита, держа въ рукѣ мою шапку съ ушками и показывая жестами, чтобы я шла одѣваться. Маша тепло закутала меня. Сани уже стояли возлѣ крыльца. Я сѣла между матерью и сестрою, и Вѣтерокъ понесся по бѣлымъ, сверкающимъ улицамъ. Холодный воздухъ рѣзалъ лицо, снѣжные комья ударяли въ передокъ саней, полозья быстро скользили, задѣвая мѣстами о камни еще ненакатаннаго пути. Я не успѣла оглянуться, какъ мы уже были возлѣ Пречистенскихъ воротъ. Присмирѣлъ, притихъ шумный городъ. Одѣлся въ зимнія, бѣлыя одежды. Шелестѣли полозья саней. Неуклюже, тяжело проѣзжалъ мимо экипажъ или пролетка извозчика. Снѣгъ падалъ и падалъ. Уже дворники нагребли сугробы возлѣ тротуаровъ, уже крыши домовъ покрылись пушистымъ, бѣлымъ пластомъ.

На Пречистенскомъ бульварѣ вѣтеръ стряхнулъ послѣдніе листья съ кленовъ, и снѣжные хлопья покрыли ихъ вскорѣ. Дѣти перекидывались снѣжками, лѣпили бабъ, скользили по льду, падали и съ звонкимъ смѣхомъ поднимались. Сани повернули къ Храму Христа Спасителя. Онъ весь стоялъ свѣтлый, торжественный съ куполами, бѣлѣющими со стороны вѣтра. Внизу, между оснѣженными берегами медленно, плавно текла Москва рѣка. На Моховой сани встали передъ книжнымъ магазиномъ. Сестра купила учебникъ и сказала Ивану: «Ну, теперь обратно, домой!»

Понеслись противъ летящаго снѣга... Густые хлопья били въ лицо, заносили волчью сѣдую полость, покрывавшую ноги. Вѣ-

теръ забивался подъ ушки моей мѣховой шапки и тоненько насвистывалъ первую пѣсенку зимы. Небо потемнѣло. Сѣро-синія тѣни легли на снѣгахъ. Надвинулись сумерки. Блѣдно замерцали фонари. Вокругъ ихъ туманнаго сіянія закружились, заметались снѣжинки, словно рой бѣлыхъ пчелокъ. Вотъ и Дѣвичье Поле. Вѣтерокъ, почуявъ близость дома, фыркнулъ и понесся стрѣлой по тихой улицѣ.

— Нашъ домъ сегодня въ бѣлой шапкѣ! — воскликнула Лида и, увидѣвъ освѣщенное окно нашей столовой, бросавшее на снѣгъ столбъ желтаго свѣта, добавила: — Вѣрно Маша къ чаю столъ накрываетъ.

Домъ встрѣтилъ насъ тепломъ, уютомъ. Котъ Барсикъ стоялъ на порогѣ столовой, перебирая лапками и сладко мурлыкалъ. Въ печкѣ дрова весело потрескивали. Маша сегодня шторы не задернула. Въ окна привѣтливо заглянули синія сумерки. На столѣ попыхивалъ самоваръ, бросая вверхъ бѣлую струйку пара. Послѣ чая сестра сѣла съ книжкою на диванъ и позвала меня:

— А ну-ка прочти мнѣ стихотвореніе Пушкина: «Подруга дней моихъ суровыхъ».

— «Голубка дряхлая моя», — продолжала я, представляя глухой сосновый боръ, какъ на обрывѣ, непремѣнно вотъ такимъ же зимнимъ вечеромъ, домикъ въ лѣсу. У окна сидитъ старушка и вяжетъ чулокъ. Спицы слегка поблескиваютъ. За печкой сверчокъ поетъ. Она одна. Ей должно быть очень скучно.

Отчего, когда сестра читаетъ стихи, сердце сладостно-печально сжимается, отчего? Мать въ гостинной заиграла на роялѣ. Маргарита разложила на кругломъ столѣ карты: гадаетъ. Лампа подъ шелковымъ абажуромъ бросаетъ золотой свѣтъ на ея свѣжее, розовое лицо. Скрипнула дверь. Съ восковою, горящею свѣчой въ рукѣ вошла въ столовую старуха Матрена. Подошла къ кіоту, перекрестилась, сняла съ крючка петельку шнурка, и съ тонкимъ скрипомъ опустилась тяжелая лампада. Старушка затеплила свѣтильню. Озарился темный, кроткій ликъ Царицы Небесной...

Уже въ сосѣдней комнатѣ зашлепали Матренины туфли. «О, Господи, Владыко Многомилостивый», послышался оттуда ея вздохъ. И тамъ запѣла на шнуркѣ лампада, и тамъ зажегся тихій, благостный огонекъ.

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней...

Звучно, плавно читала сестрица.

Тикъ-такъ-тикъ-такъ-тикъ-такъ — мѣрно выбивалъ маятникъ старыхъ, охрипшихъ часовъ.

Въ окна смотрѣлъ морозный, темно-синій вечеръ.

М. В.

Учительное Евангелие

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

КРЕСТЪ СВОЙ И КРЕСТЪ ХРИСТОВЪ.

Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: **Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ** (Матѳ. XVI, 24).

Что значитъ **крестъ свой?** почему этотъ **крестъ свой,** то есть отдѣльный каждаго человѣка, вмѣстѣ называется и **крестомъ Христовымъ.**

Крестъ **свой:** скорби и страданія земной жизни, которыя у каждаго человѣка — свои.

Крестъ **свой:** постъ, бдѣніе и другіе благочестивые подвиги, которыми смиряется плоть и покаряется духу. Эти подвиги должны быть сообразны силамъ каждаго, и у каждаго они — свои.

Крестъ **свой:** грѣховные недуги, или страсти, которые у каждаго человѣка — свои! Съ одними изъ нихъ мы родимся, другими заражаемся на пути земной жизни.

Крестъ Христовъ — ученіе Христово (Псал. CXVIII, 38, 120).

Суетенъ и безплоденъ **крестъ свой,** какъ-бы онъ ни былъ тяжекъ, если чрезъ послѣдованіе Христу онъ не преобразится **въ крестъ Христовъ.**

Крестъ свой дѣлается для ученика Христова **крестомъ Христовымъ:** потому что ученикъ Христовъ твердо убѣжденъ, что надъ нимъ неусыпно бдитъ Христосъ, что Христосъ попускаетъ ему скорби, какъ необходимое и неминуемое условіе христіанства, что никакая скорбь не приблизилась бы къ нему, еслибъ не была попущена Христомъ, что скорбями христіанинъ усваивается Христу, содѣлывается причастникомъ Его участи на землѣ, а потому и на небѣ.

Крестъ свой дѣлается для ученика Христова **крестомъ Христовымъ:** потому что истинный ученикъ Христовъ почитаетъ исполненіе заповѣдей Христовыхъ единственною цѣлію своей жизни. Эти всесвятыя заповѣди содѣлываются для него крестомъ, на которомъ онъ постоянно распинаетъ своего ветхаго человѣка **со страстьми и похотьми** его (Гал. V, 24).

Отсюда ясно — почему для принятія креста, предварительно нужно отвергнуться себя даже до погубленія души своей.

Такъ сильно и обильно усвоился грѣхъ падшему естеству нашему, что Слово Божіе не останавливается называть его душею падшаго человѣка.

Чтобъ воспріять на рамена крестъ, должно прежде отказать тѣлу въ его прихотливыхъ пожеланіяхъ, доставляя ему одно необходимое для существованія; должно признать свою правду лютѣйшею неправдою предъ Богомъ, свой разумъ, совершеннымъ неразуміемъ, и, наконецъ предавшись Богу со всею силою вѣры, предавшись непрестанному изученію Евангелія, отречься отъ воли своей.

Совершившій такое отреченіе отъ себя способенъ къ принятію креста своего. Съ покорностію Богу, призывая Божію помощь для укрѣпленія своей немощи, онъ смотритъ безъ боязни и смущенія на приближающуюся скорбь, уготовляется великодушно и мужественно перенести ее, уповаетъ, что посредствомъ ея онъ содѣлается причастникомъ страданій Христовыхъ, достигнетъ таинственнаго исповѣданія Христа не только умомъ и сердцемъ, но и самымъ дѣломъ, самою жизнію.

Крестъ дотолѣ тягостенъ, доколѣ онъ пребываетъ крестомъ своимъ. Когда же онъ преобразится въ крестъ Христовъ, то получаетъ необыкновенную легкость: **иго Мое благо, и бремя Мое легко есть,** сказалъ Господь (Матѳ. XI, 30).

Крестъ возлагается на рамена ученикомъ Христовымъ, когда ученикъ Христовъ признаетъ себя достойнымъ скорбей, ниспосланныхъ ему Божественнымъ промысломъ.

Ученикъ Христовъ тогда несетъ правильно крестъ свой, когда признаетъ, что именно ниспосланныя ему скорби, а не другія, необходимы для его образованія о Христѣ и спасенія.

Терпѣливое несеніе креста своего есть истинное зрѣніе и сознаніе грѣха своего. Въ этомъ сознаніи нѣтъ никакого самообольщенія. Но признающій себя грѣшникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ропщущій и вопіющій съ креста своего, доказываетъ тѣмъ, что онъ поверхностнымъ сознаніемъ грѣха лишь льститъ себѣ, обманываетъ себя.

Терпѣливое несеніе креста своего есть истинное покаяніе.

Распятый на крестѣ! исповѣдайся Господу въ праведности судебъ Его. Обвиненіемъ себя оправдай судъ Божій, и получишь отпущеніе грѣховъ твоихъ.

Распятый на крестѣ! Познай Христа; — и отверзутся тебѣ врата рая.

Съ креста твоего славословь Господа, отвергая отъ себя всякій помыслъ жалобы и ропота, отвергая его, какъ преступленіе и богохульство.

Съ креста твоего благодари Господа за безцѣнный даръ, за крестъ твой, — за драгоцѣнную участь, за участь подражать Христу страданіями твоими.

Съ креста богословствуй: потому что крестъ есть истинное и единственное училище, хранилище и престолъ истиннаго Богословія. Внѣ креста нѣтъ живаго познанія Христа.

Не ищи христіанскаго совершенства въ добродѣтеляхъ человѣческихъ. Тамъ нѣтъ его: оно сокровенно въ крестѣ Христовомъ *).

Крестъ твой измѣняется въ крестъ Христовъ, когда ученикъ Христовъ несетъ его съ дѣятельнымъ сознаніемъ своей грѣховности, нуждающейся въ казни, — когда несетъ его съ благодареніемъ Христу, съ славословіемъ Христа. Отъ славословія и благодаренія является въ страдальцѣ духовное утѣшеніе, благодареніе и славословіе дѣлаются обильнѣйшимъ источникомъ непостижимой, нетлѣнной радости, которая благодатно кипитъ въ сердцѣ, изливается на душу, изливается на самое тѣло.

Крестъ Христовъ, только по наружности своей, для плотскихъ очей, есть поприще жестокое. Для ученика и послѣдователя Христова онъ — поприще высшаго духовнаго наслажденія. Такъ велико это наслажденіе, что скорбь вполнѣ заглушается наслажденіемъ и послѣдователь Христовъ среди лютѣйшихъ томленій ощущаетъ одно наслажденіе **).

Говорила юная Мавра юному супругу своему Тимоѳею, который терпѣлъ страшныя муки, и приглашалъ ее принять участіе въ мученичествѣ: «Боюсь, братъ мой, чтобъ мнѣ не устрашиться, когда я увижу страшныя муки и разгнѣваннаго игемона, чтобъ не изнемочь мнѣ въ терпѣніи по молодости лѣтъ моихъ». Ей отвѣчалъ мученикъ: «Уповай на Господа нашего Іисуса Христа, и будутъ для тебя муки елеемъ, изливаемымъ на тѣло твое, и духомъ росы въ костяхъ твоихъ, облегчающимъ всѣ болѣзни твои ***).»

Крестъ — сила и слава всѣхъ отъ вѣка святыхъ.

Крестъ — цѣлитель страстей, губитель демоновъ.

Смертоносенъ крестъ для тѣхъ, которые креста своего не преобразили въ крестъ Христовъ, которые съ креста своего ропщутъ на Божественный промыслъ, хулятъ его, предаются безнадежію и отчаянію. Несознающіеся и некающіеся грѣшники на крестѣ своемъ умираютъ вѣчною смертію, лишаясь нетерпѣніемъ истинной жизни, жизни въ Богѣ. Они снимаются съ креста своего только для того, чтобъ снизойти душами въ вѣчный гробъ: въ темницы ада.

Крестъ Христовъ возноситъ отъ земли распятаго на немъ ученика Христова. Ученикъ Христовъ, распятый на крестѣ своемъ, мудрствуетъ горняя, умомъ и сердцемъ жительствуетъ на небѣ, и созерцаетъ таинства Духа во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, сказалъ Господь, **да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.** Аминь.

---

*) Преподобный Маркъ подвижникъ, Слово о духовномъ законѣ, гл. 31.
**) Послѣдованіе дванадесяти псалмовъ, молитва святаго Евстратія.
***) Четьи-Минеи, Маія 3 дня.

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ.

Предъ взорами моими — величественное море. Оно на сѣверѣ, по большей части пасмурно и бурно; бываетъ же по временамъ и прекрасно. Обширное море! глубокое море! привлекаешь ты къ себѣ и взоры и думы. Безотчетливо гляжу подолгу на море. Нѣтъ разнообразія въ этомъ зрѣлищѣ; но взоръ и мысли не могутъ оторваться отъ него: какъ-бы плаваютъ по пространному морю, какъ-бы погружаются въ него, какъ-бы тонутъ въ немъ. Какое въ нѣдрахъ моря хранится вдохновеніе! какая чувствуется полнота въ душѣ, когда глаза насладятся и насытятся созерцаніемъ моря! Посмотримъ, друзья, посмотримъ на море изъ нашего монастырскаго пріюта, поставленнаго рукою промысла Божія у моря.

За моремъ — другое море: столица могучаго Сѣвера. Великолѣпенъ видъ ея чрезъ море, съ морскаго берега, на которомъ расположена обитель преподобнаго Сергія (Сергіева пустыня). Это море — участокъ знаменитаго Бельта. Широко разстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Замкнуто оно Кронштадтомъ, за которымъ безпредѣльность моря сливается съ безпредѣльностію неба.

Воспѣвалъ нѣкогда святый Давидъ **море великое и пространное. Тамо гади, ихже нѣсть числа,** говоритъ онъ, **животная малая съ великими, рыбы морскія, преходящія стези морскія; тамо корабли преплаваютъ, змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему** (Пс. 103, 25, 26; Пс. 8, 9). Таинственное значеніе имѣютъ слова Давида. Объясняютъ это значеніе святые Отцы. Моремъ названъ міръ; безчисленными животными и рыбами, которыми наполнено море, названы люди всѣхъ возрастовъ, народностей, званій, служащіе грѣху; кораблями вообще названа святая Церковь, въ частности названы истинные христіане, побѣждающіе міръ. Змѣемъ, живущимъ въ морѣ, названъ падшій ангелъ, низвергнутый съ неба на землю *).

Несется святая Церковь по водамъ житейскаго моря въ продолженіи всего земнаго странствованія своего, чрезъ столѣтія, чрезъ тысячелѣтія. Принадлежа къ міру по вещественному положенію, она не принадлежитъ къ нему по духу, какъ и Господь сказалъ Церкви въ лицѣ Апостоловъ: **«Отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра** (Іоан. **15,** 19): по тѣлу, по потребностямъ тѣла вы принадлежите міру; по духу вы чужды міра, потому что принадлежите Богу, Котораго **міръ возненавидѣлъ»** (Іоан. **15** 18, 28). Несется святая Церковь по волнамъ житейскаго моря, и пребываетъ превыше волнъ его Божественнымъ ученіемъ, содержа въ нѣдрѣ своемъ истинное Богопознаніе, истинное познаніе о человѣкѣ, о добрѣ и злѣ, о мірѣ вещественномъ и временномъ, о мірѣ духовномъ и вѣчномъ. Всѣ

---

*) Псалтырь съ толкованіями на брезѣ, заимтвованными изъ святыхъ Отцовъ, изданія Кіево-Печерской Лавры.

истинные христіане по всей вселенной принадлежатъ единой истинной Церкви, и содержа ея ученіе въ полнотѣ и чистотѣ, составляютъ то собраніе кораблей, которое преплываетъ житейское море, не погружаясь въ темныхъ глубинахъ его.

Странствуетъ по водамъ житейскаго моря, стремится къ вѣчности каждый истинный христіанинъ. На морѣ вещественномъ не можетъ быть постояннаго жилища; на немъ живетъ одно странствованіе: и на морѣ житейскомъ нѣтъ ничего постояннаго, нѣтъ ничего, что оставалось бы собственностію человѣка навсегда, сопутствовало ему за гробъ. Одни добрыя дѣла его и грѣхи его идутъ съ нимъ въ вѣчность. Нагимъ вступаетъ онъ въ земную жизнь, а выходитъ изъ нея, покинувъ и тѣло. Не видятъ этого рабы міра, рабы грѣха: видитъ это истинный христіанинъ. Онъ можетъ быть уподобленъ великому кораблю, преисполненному духовными, разнообразными сокровищами, непрестанно пріумножающему ихъ на пути своемъ. Богатствъ этихъ міръ вмѣстить не можетъ: такъ они велики. Такъ драгоцѣнны эти богатства, что всѣ богатства міра въ сравненіи съ ними — ничто. Завидуетъ міръ этимъ богатствамъ, дышетъ ненавистію къ стяжавшему ихъ. Корабль, не смотря на прочность построенія и на величину свою, навѣтуется противными вѣтрами, бурями, подводными камнями, мелями: каждый христіанинъ, не смотря на то, что онъ облеченъ во Христа, долженъ совершить земное странствованіе среди многочисленныхъ опасностей. Всѣ, безъ всякаго исключенія, хотящіе спастись, **гонимы будутъ** (2 Тим. 3, 12). Стремится корабль къ пристани; по пути останавливается только на кратчайшее время, при крайней нуждѣ. И мы должны всеусильно стремиться къ небу, въ вѣчность. Ни къ чему временному не будемъ пристращаться сердцемъ! да не **прильпнетъ** душа наша къ чему нибудь земному, да не **прильпнетъ** она по дѣйствію живущаго въ насъ самообольщенія, по дѣйствію окружающаго насъ самообльщенія! Паденіемъ нашимъ **смирися въ персть душа наша,** получила влеченіе ко всему тлѣнному, **прильпе земли утроба наша** (Псал. 42, 26), наша духовная сущность, вмѣсто того, чтобъ ей стремиться къ небу и въ вѣчность. Земныя служенія наши, наши земныя обязанности будемъ нести, какъ возложенныя на насъ Богомъ, исполняя ихъ какъ-бы предъ взорами Бога, добросовѣстно, съ усердіемъ, приготовляясь отдать отчетъ въ исполненіи ихъ Богу. Да не окрадываютъ, да не оскверняютъ этихъ служеній грѣховныя побужденія и цѣли! Дѣла земныя будемъ совершать съ цѣлію богоугожденія, и дѣла земныя содѣлаются дѣлами небесными. Главнымъ и существеннымъ занятіемъ нашимъ да будетъ служеніе Богу, стремленіе усвоиться Ему. Служеніе Богу заключается въ непрестанномъ памятованіи Бога и Его велѣній, въ исполненіи этихъ велѣній всѣмъ поведеніемъ своимъ, видимымъ и невидимымъ.

Управляетъ кораблемъ кормчій: онъ постоянно думаетъ о при-

стани, въ которую долженъ быть доставленъ грузъ корабля; онъ постоянно заботится, чтобъ не сбиться съ пути на морѣ, на которомъ и повсюду путь, и нѣтъ путей. То глядитъ онъ на небо, на свѣтила его, то на ландкарту и компасъ, — соображаясь съ тѣмъ и другимъ, направляетъ корабль. Человѣкомъ управляетъ умъ его. И на житейскомъ морѣ нѣтъ путей; повсюду путь на немъ для истиннаго христіанина. Никому не извѣстно, какія встрѣтятъ его обстоятельства въ будущемъ, какія встрѣтятъ чрезъ день, чрезъ часъ. По большей части встрѣчается съ нами непредвидѣнное и неожиданное. На постоянство попутнаго вѣтра невозможно полагаться: дуетъ онъ иногда долго, но чаще того внезапно превращается въ противный, замѣняется ужасною бурею. Для христіанина повсюду путь: онъ вѣруетъ, что все совершающееся съ нимъ совершается по волѣ Бога. Для христіанина и противный вѣтеръ бываетъ попутнымъ: покорность волѣ Божіей примиряетъ его съ положеніями самыми тягостными, самыми горькими. Умъ нашъ долженъ непрестанно устремлять взоры на духовное небо — Евангеліе, изъ котораго, подобно солнцу сіяетъ ученіе Христово; онъ долженъ постоянно наблюдать за сердцемъ, за совѣстію, за дѣятельностію внутреннею и внѣшнею. Пусть этотъ кормчій стремится неуклонно къ блаженной вѣчности, памятуя, что забвеніе о вѣчномъ блаженствѣ приводитъ къ вѣчному бѣдствію. Пусть умъ воздерживаетъ сердце отъ увлеченія пристрастіемъ къ суетному и тлѣнному, отъ охлажденія ради тлѣнія къ нетлѣнному, ради суетнаго къ истинному и существенному, Пусть присматривается онъ часто, какъ бы къ компасной стрѣлкѣ, къ совѣсти, чтобъ не принять направленія несогласнаго съ направленіемъ, указываемымъ совѣстію. Пусть руководитъ онъ всю дѣятельность благоугодно Богу, чтобъ заоблачная пристань вѣчности отверзла врата свои, и впустила въ нѣдро свое корабль, обремененный духовными сокровищами.

Не устрашимся бурь житейскаго моря. Восходятъ волны его до небесъ, нисходятъ до безднъ; но живая вѣра не попускаетъ христіанину потонуть въ волнахъ свирѣпыхъ. Вѣра возбуждаетъ спящаго на кормѣ Спасителя, Который, въ таинственномъ значеніи, представляется спящимъ для преплывающихъ житейское море учениковъ Его, когда сами они погрузятся въ нерадѣніе: вѣра вопіетъ къ Спасителю пламенною молитвою изъ сердца смиреннаго, изъ сердца болѣзнующаго о грѣховности и немощи человѣческой, проситъ помощи, избавленія, — получаетъ ихъ. Господь и владыка всего воспрещаетъ вѣтрамъ и морю, водворяетъ на морѣ и въ воздухѣ **тишину велію** (Матѳ. **8**, 27). Вѣра, искушенная бурею вѣтра, ощущаетъ себя окрѣпшею: съ новыми силами, съ новымъ мужествомъ приготовляется она къ новымъ подвигамъ.

Не будемъ довѣрять тишинѣ житейскаго моря: тишина эта — обманчива; море измѣнчиво. Не позволимъ себѣ предаться безпеч-

ности: корабль неожиданно можетъ попасть на мель или удариться о непримѣтный подводный камень, покрытый нѣжною струйкою, — удариться, и получить жестокое поврежденіе. Иногда набѣжитъ ничтожное, повидимому, облачко: внезапно начинаетъ извергать изъ себя вихри, громы, молнію, и закипѣло притворно-тихое море опасною бурею. Преисполнена жизнь наша скорбей, превратностей, искушеній. Навѣтуетъ насъ умъ нашъ: этотъ путеводитель нерѣдко самъ сбивается съ пути, и всю жизнь нашу увлекаетъ за собою въ заблужденіе. Навѣтуетъ насъ сердце наше, склоняясь къ исполненію своихъ собственныхъ внушеній, устраняясь отъ исполненія воли Божіей. Навѣтуетъ насъ грѣхъ: и тотъ грѣхъ, который насажденъ въ насъ паденіемъ, и тотъ, который дѣйствуетъ на насъ изъ окружающихъ насъ всюду соблазновъ. Навѣтуетъ насъ міръ, служащій суетѣ и тлѣнію, усиливающійся склонить всѣхъ къ этому служенію, и при посредствѣ ласкательства, и при посредствѣ гоненія. Навѣтуютъ насъ враги — падшіе духи; навѣтуютъ насъ обладаемые ими, поработившіеся имъ человѣки. Часто самые друзья произвольно и невольно содѣлываются нашими навѣтниками. Господь заповѣдалъ намъ непрестанно бодрствовать надъ собою, упражняясь въ добродѣтеляхъ, ограждаясь отъ грѣха Словомъ Божіимъ, молитвою, вѣрою, смиреніемъ.

Кто — **животныя великія,** пасущіяся въ необъятномъ пространствѣ житейскаго моря? Ни для себя, ни для кого другого не хотѣлъ бы я сходства съ этими исполинами моря, у которыхъ одна отрада: темныя глубины, густо покрытыя водою, куда не досягаютъ лучи солнца; тамъ они живутъ, тамъ пребываютъ, выходя по временамъ оттуда для добычи, для поддержанія своей жизни убійствомъ многочисленныхъ жертвъ. Ихъ влажные, дикіе взоры не терпятъ, не выносятъ никакого свѣта. Подъ именемъ ихъ Писаніе разумѣетъ людей, великихъ по способностямъ, познаніямъ, богатству, могуществу, но — увы! — привязанныхъ всею душею къ суетѣ и тлѣнію. Сердце и мысли ихъ направлены исключительно къ снисканію земнаго славнаго, земнаго сладостнаго. Они утонули, погрязли въ морѣ житейскомъ, гоняются за однимъ временнымъ, минутнымъ, за одними призраками: **преходятъ они,** говоритъ Писаніе, **стези морскія** (Псал. **8,** 9). Странны эти стези! слѣды ихъ исчезаютъ вслѣдъ за проходящими по нимъ, и для проходящихъ нѣтъ впереди никакого знака стези. Таково земное преуспѣяніе: не знаетъ оно, чего ищетъ; сыскавъ желанное, уже какъ-бы не имѣетъ его; снова желаетъ, ищетъ снова. Тяжелъ, несносенъ для сыновъ міра свѣтъ ученія Христова. Бѣгутъ они отъ него въ темныя, глухія пропасти: въ разсѣянность, въ многообразное развлеченіе, въ плотскія увеселенія. Тамъ, въ нравственномъ мракѣ, проводятъ они земную жизнь, безъ духовной, вѣчной цѣли. Такихъ человѣковъ Писаніе не удостаиваетъ имени человѣковъ: **человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ** (Псал. **48,** 13). Человѣкъ — тотъ, кто

познать себя, сказалъ преподобный Пименъ Великій *); человѣкъ тотъ, кто позналъ свое значеніе, свое состояніе, свое назначеніе. — **Малыми животными** моря названы люди, не одаренные особенными способностями, ненадѣленные богатствомъ, могуществомъ, но и въ такомъ положеніи служащіе суетѣ и грѣху. Они не имѣютъ средствъ къ совершенію обширныхъ и громкихъ злодѣяній; но руководимые, увлекаемые, ослѣпляемые поврежденнымъ злобою произволеніемъ своимъ, принимаютъ участіе въ беззаконіяхъ, совершаемыхъ животными великими, — сами совершаютъ беззаконія, соотвѣтственно силамъ и средствамъ своимъ. Они скитаются въ житейскомъ морѣ безсознательно, безъ цѣли. — Змѣй — **царь всѣмъ, сущимъ въ водахъ** (Іов. **41**, 25), **змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему** (Псал. **103**, 26). Змѣемъ названъ падшій ангелъ, по обилію злобы и лукавства, живущихъ въ немъ. Онъ дѣйствуетъ по возможности тайно, чтобъ дѣйствіе, будучи малопримѣтнымъ, было тѣмъ вѣрнѣе, убійственнѣе. Рабы его не чувствуютъ цѣпей, которыми окованы отовсюду, — и рабство гибельное величаютъ именемъ свободы и высшаго счастія. Посмѣваются этому змѣю истинные христіане, усматривая козни его чистотою ума, попирая ихъ силою Божественной благодати, осѣнившей души ихъ. — Будемъ подобны кораблямъ, стройно плывущимъ по морю! И ихъ значительная часть въ водѣ; но они не погружены всецѣло въ воду, какъ погружены въ ней рыбы и прочія морскія животныя. Невозможно, невозможно преплывающему житейское море не омочиться водами его: не должно погрязать въ водахъ его.

Въ морѣ — **безчисленное множество гадовъ**. Что сказать о нихъ? Уже однимъ наименованіемъ сказывается все. Несчастна доля тѣхъ, которыхъ слово Божіе лишило наименованія человѣковъ, низвело къ наименованію безсловесныхъ животныхъ: сколько несчастнѣе тѣ, которыхъ оно, всесвятое Слово, Судія вселенной, запечатлѣло наименованіемъ гадовъ? Не глубокія воды — постоянное жилище ихъ и наслажденіе, но зловонная и грязная тина, въ которую приносятся разъяренною волной и въ которой увязаютъ всѣ нечистоты, въ которую приносятся и въ которой истлѣваютъ трупы людей, погибшихъ отъ морскихъ злоключеній, отъ кинжала пиратовъ житейскаго моря.

Братія мои! друзья мои! Стою съ вами на берегу моря, смотрю на море, исчерченное разноцвѣтными полосами. За моремъ — другое море, съ горящими золотыми куполами и шпилями... Между тѣмъ въ храмѣ Божіемъ возглашается величественная многознаменательная пѣснь: **Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу Твоему притекъ, вопію Ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве** (6 пѣснь 6 гласа).

---

*) Алфавитный Патерикъ и Достопамятныя Сказанія.

Краткій молитвословъ

съ объясненіемъ молитвъ. Молитвословъ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ, карманнаго формата, 107 стр. и содержитъ: краткія молитвы: утреннія, вечернія, и въ продолженіи дня, Символъ Вѣры, Объясненіе молитвъ и заповѣдей блаженства и Моисеевыхъ, тропари и др. молитвы. Цѣна 50 ¢.

«Родина»

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. Книга посвящается русскимъ дѣтямъ. Перепечатано фотографическимъ способомъ съ двадцатаго изданія. Въ книгѣ 416 стр. и много иллюстрацій.

Въ переплетѣ $ 6.00 + пересылка 30 ¢.

Краткая Русская Исторія

въ очеркахъ и біографіяхъ, со многими иллюстраціями. Составилъ К. Воскресенскій. Изданіе 28, перепечаталъ Архимандритъ Пантелеймонъ. 1958 г. 136 стр., въ коленкоровомъ переплетѣ. Цѣна $ 1.80

Этимологія Русскаго Языка

А. Кирпичникова и Ѳ. Гилярова.

Цѣна 50 ¢.

Синтаксисъ Русскаго языка

А. Кирпичникова.

Цѣна 25 ¢.

Къ предстоящему католическому Вселенскому Собору.

«ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ПАПЫ ІОАННА XXIII», — Архимандрита Константина, и

«СВ. МАРКЪ ЕФЕССКІЙ И ФЛОРЕНТІЙСКАЯ УНІЯ», — Игумена Амвросія). Цѣна 25 ¢.